

Текст · 26 марта 2021, 10:51

Елизавета Нестерова,

Дух толпы. Как сидел в СИЗО и как вышел на свободу Андрей Ломов — отец семерых детей и фигурант «январского дела»

Постановочная марихуана

Накануне ареста, 28 января, в доме Ломова провели обыск. Звонок в дверь раздался в шесть утра.

«Последнее, о чем я тогда думала — это о чем-то таком», — говорит жена Ломова Елена. У нее «слабо мелькнула мысль о соседке, что это она звонит», но подумать о том, что может понадобится соседке в такое время, Елена не успела — бежала открывать дверь, чтобы дети не проснулись. За дверью оказалась не соседка, а толпа незнакомых людей. Один из них спросил: «Нам нужен ваш, видимо, муж Дмитрий?». Растерянная Елена ответила, что такого мужа у нее нет, но оперативник быстро исправился и уточнил, что нужен Андрей. Елена пошла будить Ломова, которому люди в форме предъявили постановление суда и приступили к обыску.

Про обыск и Елена и Андрей ничего особо не рассказывают: «Ну а что скажешь. Копий бумаг никаких не дали, но в комнату к детям старались входить потише». Зато фотографии с обыска в квартире Ломовых провластные телеграм-каналы использовали в сюжетах об уголовных делах по мотивам недавних протестов.

«Канал *Mash*, к примеру, рассказал, что в результате обысков в жилищах активистов в одной из квартир был найден схрон марихуаны, проиллюстрировав новость видео с обыска из квартиры Ломовых. Конечно же в квартире Елены и Андрея ничего даже близко похожего на марихуану не находили. Это просто вброшенный фейк, формирующий, видимо, нужный образ рядового участника шествий и митингов. Серьезно? Марихуану нашли, а семерых детей не? Не заметили?», — возмущалась Екатерина Сухарева, давняя знакомая Андрея по движению петербургских наблюдателей на выборах. Она и запустила кампанию в поддержку Андрея.

«Дух толпы был, агрессии не было»

По версии следствия, Ломов «не менее трех раз толкнул руками и корпусом тела в область груди, правого и левого плеча Шемякина» и «не менее двух раз толкнул руками и корпусом в область груди, правого и левого плеча Козлова, причинив им своими преступными действиями физическую боль, не причинившую вреда здоровью».

В первые же дни после ареста стало известно, что Ломов частично признал вину. Сам Ломов в разговоре с «Медиазоной» пояснил, что не отрицал то, что «на видео и так видно»: «То, что там кремлевские пытались выставить так, что я напал на сотрудников, конечно, неправда, я ни на кого не нападаю. Но да, оказавшись прямо перед цепью, я, как и некоторые другие, пытался их не столько толкнуть, сколько протиснуться между ними, чтобы пройти», — поясняет Ломов.

Ломов говорит, что считает себя человеком гуманистических ценностей, в принципе не приемлет физического насилия, поэтому точно не хотел кого-то покалечить. «Но ведь это правда так, не было там никакой агрессии. Дух толпы был, это да, а вот агрессии не было», — говорит Елена Ломова. Суд признал действия Андрея не опасными для здоровья нацгвардейцев, более того — на очной ставке после обыска оба сотрудника Нацгвардии сказали, что не считают себя серьезно пострадавшими и даже согласны на примирение сторон.

Андрей Ломов. Фото: личный архив

Но в итоге пострадавшие силовики попросили рассмотреть дело без их участия, а о примирении речи уже не шло: на суде стало известно, что пострадавший Козлов просит наказать Ломова строго, а пострадавший Шемякин — нестрого. «Для нас, конечно, стало новостью, что один из них просит строгого наказания, — говорит адвокат Светлана Ратникова. — В моей практике 318-й было в избытке, там людей даже в СИЗО обычно не помещают, хотя я видала и более, скажем так, кровожадные эпизоды, прямо драки с полицией, когда до сотрясения мозга доходило. А тут человек толкнул плечом и два месяца в СИЗО провел, нонсенс».

Папа в командировке

Суд отправил Андрея под арест, несмотря не только на самые хвалебные характеристики от коллег и знакомых, но и — главное — несмотря на то, что у него семеро несовершеннолетних детей.

«Дети у нас очень разновозрастные: старшей дочке Лизе 17 лет, Ване 14 лет, Ульяне — 12, Алексютке нашему, Леше 9 лет, Софиечке 6, Паше в апреле будет три, Машеньке уже 5 месяцев», — рассказывает Елена.

По ее словам, старшие дети с самого начала знали, что произошло и что означает папино отсутствие: сидят в интернете, видят новости. Особенно поддерживала отца старшая дочка Лиза: «Она у нас тоже, как Андрей, человечек с активной жизненной позицией». Младшим детям Елена сказала, что папа уехал в командировку — рабочие отъезды для Андрея не редкость. «Может, это и помогло младшим справиться с разлукой, а может, и не очень. В

командировки я все же езжу всегда с ноутбуком и телефоном, чтобы можно было созваниваться, видеть друг друга», — рассуждает Андрей сейчас, уже вернувшись домой.

Друзей и близких семьи поразило, что Андрея отправили в СИЗО и категорически отказывались отпустить под домашний арест: «Прогнозировать что-то в наших реалиях сложно, но вот то, что его тут же в СИЗО отправили, стало для нас нехорошим звоночком», — рассказывает правозащитница Александра Крыленкова, которая совместно с командой «Арестанты-212» по приглашению Екатерины Сухаревой тоже включилась в кампанию поддержки Ломова, — «У нас был прецедент, например, с Александром Мыльниковым по "московскому делу", у которого сразу был домашний арест, а затем условный срок, хотя у него трое детей, а это все же заметно меньше, чем семь».

Наблюдательница Екатерина Сухарева рассказывает, что близким другом Андрея она никогда не была, но знает его почти десять лет — познакомились в 2012 году, именно тогда Андрей включился в процесс наблюдения на выборах. О том, что семья Ломова попала в беду, узнала из новостей — просто увидела знакомое лицо в сюжете «России 1»: «Отвратительный пропагандистский ролик с заголовком "Проплаченные блогеры и провокаторы: чем чреваты акции протеста"».

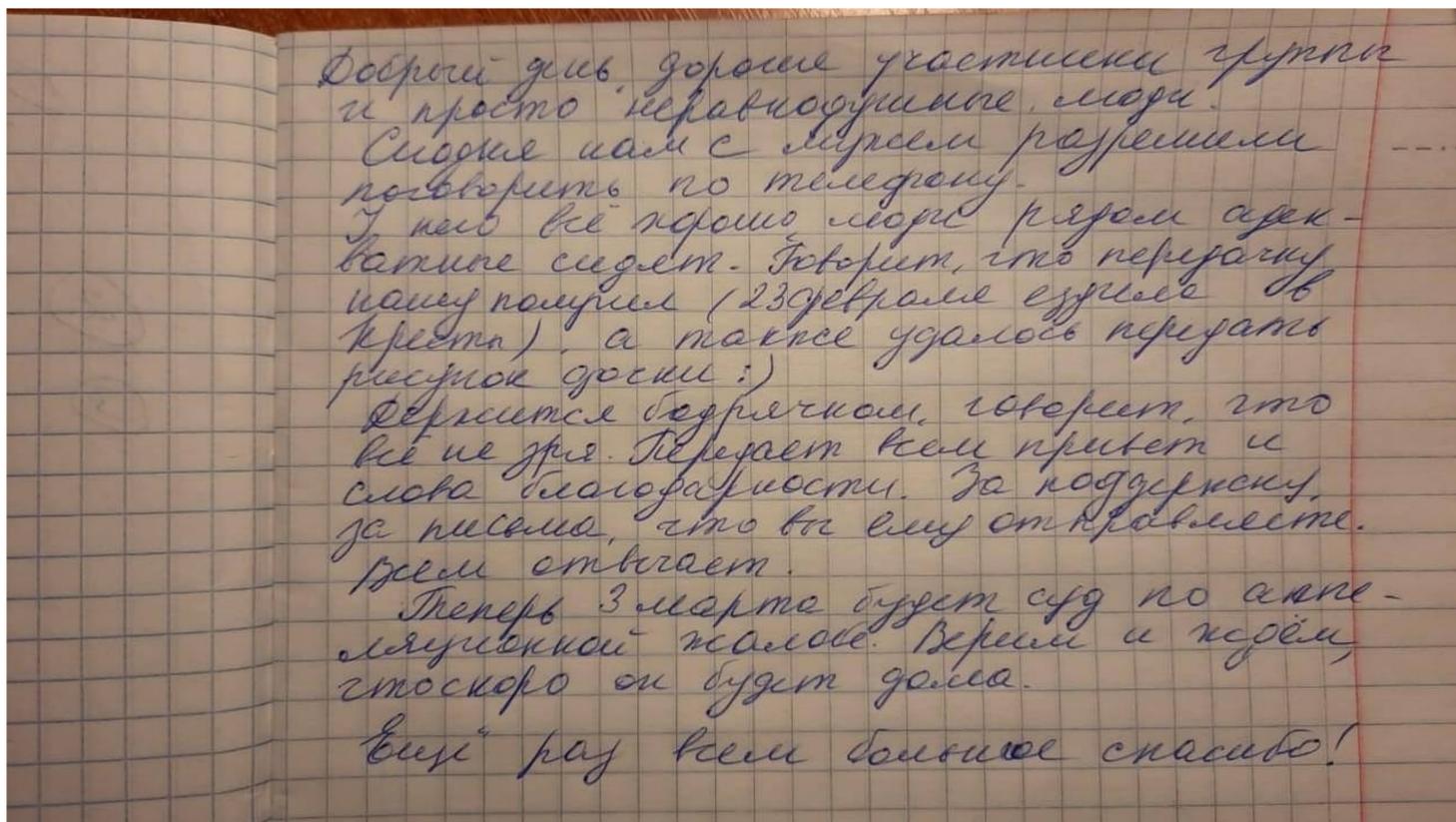
«Собрали в кучу все пропагандистские клише: "блогер Леонид Волков", склоняющий детей к участию в акциях вместе с продажными

тик-токерами, Мария Алехина и Люся Штейн, якобы сбившие полицейского, и вагон бравых правоохранителей, которые "буквально вырывали детей из-под толпы". В общем, туши свет и сплошной пропагандистский компот. Начинается сюжет историей Андрея, к сожалению», — пересказывает она.

Друзья Андрея

Как только Сухарева узнала об обыске и последующем аресте, она отправилась к Андрею домой — поговорить с Еленой и понять, какая помощь сейчас нужна семье. «Я знала, что Андрей многодетный отец, но не подозревала, что у него такая потрясающая, интеллигентная семья, прекрасная жена, дети. Очень рада была с ними познакомиться, хоть и при таких обстоятельствах», — рассказывает Сухарева.

Поддержать семью арестованного захотели многие петербургские наблюдатели, в том числе Андрей Горбунов, который тоже знает Ломова с 2012 года: «Андрей на меня всегда производил впечатление ну очень спокойного, даже флегматичного человека, я с ним взаимодействовал мало, намного меньше Кати, я даже не знал, что у него столько детей!» — делится Горбунов, он одним из первых навестил Елену Ломову.

Записка из группы «Друзья Андрея Ломова»

Горбунов вместе со старшей дочерью Ломова съездил в магазин и привез Елене и детям продукты: «Мне так было сначала неловко, они закупили продуктов тысяч на десять, мне кажется», — вспоминает Елена. Она сначала отказывалась принимать помощь: надеялась, что Андрея скоро выпустят, и семья справится своими силами.

«Но я довольно быстро поняла, что эта история может затянуться на месяцы, а то и годы, а Катя так уговаривала, чтобы я дала номер своей карты», — действительно, довольно скоро Сухарева и Горбунов создали в фейсбуке [группу](#) «Друзья Андрея Ломова», в которой публиковали новости по делу и сопровождали посты номером карты Елены Ломовой. За два месяца существования группы на карту Елены пришло больше 300 переводов на общую сумму более 400 тысяч рублей — об этом Андрей Горбунов отчитался в группе поддержки после решения суда об условном сроке.

«Знаете, может показаться, что сумма большая, но она большая для нас с вами, для семей, где нет семерых

несовершеннолетних детей», — поясняет Горбунов и добавляет, что не собирается спрашивать у Елены, как она распорядилась деньгами.

Полиция читает письма

Сразу после ареста Андрея Ломова, издание «Фонтанка» писало, что дома у Ломовых политику почти не обсуждают, а Елена Ломова человек аполитичный и считает, что «политика — грязное дело, и туда лучше не лезть, не разберешься, кто прав, а кто нет». Сейчас аполитичность Елены уже не так однозначна. Через неделю после ареста мужа она уже публиковала в своем фейсбуке ссылку на петицию «ОВД-Инфо» против введения плана «Крепость» в отделах полиции, а 4 марта написала открытое письмо в администрацию президента и прокуратуру с требованием «разобраться в ситуации», в которой ее мужа «незаконно отправили под арест».

На следующий день после публикации открытого письма к Елене приходили полицейские: «Записали, кто зарегистрирован и проживает по нашему адресу, когда был задержан муж, где находится. И самое интересное: напоследок задали лично мне несколько вопросов: как я отношусь к деятельности Навального, поддерживаю ли митингующих и хожу или собираюсь пойти сама на митинги», — рассказывает Елена.

Изоляция от семьи

Елене было очень сложно снабжать мужа всем необходимым и поддерживать с ним связь.

Передачу, которую Елена пыталась сделать мужу через официальный сервис ФСИН еще 26 февраля, не могли доставить более двадцати дней: «Я каждый день проверяла статус этой уже оплаченной передачи. Статус был бессменный — доставляется. Я начинаю уже нервничать, пишу им, звоню, они начинают меня завтраками кормить: сначала у них праздники были, а теперь вот прямо на днях доставят. Но когда статус передачи сменился, что ее доставили, я позвонила в СИЗО, а мне там говорят: "Ничего не знаем, приезжайте и разбирайтесь". Вообще отличный сервис, проще было Почтой России отправить».

Андрей Ломов. Фото: личная страница Елены Ломовой

В разговоре с «Медиазоной» Андрей Ломов подтвердил, что такая проблема есть — оперативно он получал только те передачи, что принесли непосредственно в СИЗО друзья и близкие. Все, что ему через сервисы ФСИН дистанционно заказывала жена, что он сам пытался заказать в местном магазине, когда у него появился счет арестанта, на

который родные смогли класть деньги — все это приходилось ждать месяц или даже дольше.

На каждое действие необходимо было получать разрешение начальника СИЗО. Например, на оказание медицинской помощи: «У меня сосед по камере написал заявление на осмотр дерматологом еще осенью. Вот я уже вышел, а он все ждет».

Или на получение тюремной сим-карты, без которой арестованный не может позвонить родным, даже если запрета на звонки у него нет: «Звонить и так-то можно только раз в месяц и на десять минут — а за такое время ты что расскажешь-то вообще? Но я и эти десять минут получил только один раз за два месяца, потому что со мной карточкой сосед по камере поделился. Я написал начальнику заявление на такую карточку, как только заехал, но мне ее так и не сделали».

Из-за отсутствия сим-карты для звонков основным способом общения Андрея с женой были письма — свидания запрещены из-за коронавирусных ограничений. Так, из письма Андрея, пришедшего в конце февраля, Елена узнала, что следователи с ним беседовали и в рамках другого уголовного дела.

«Приходила следователь по делу о перекрытии части Невского. Я пока свидетель, показаний по существу не давал без адвоката. Но если сделают обвиняемым, Ратникова не сможет помочь, так как по этому делу уже защищает другого человека», — писал он 26 февраля. После освобождения с Андреем по поводу уголовного дела о перекрытии дорог не говорили.

И друзья, и совсем незнакомые люди

Созвониться с женой Ломов смог 25 февраля, в этот день Елена через Андрея Горбунова передала записку для всех, кто поддерживал семью Ломовых: «Добрый день, дорогие участники группы и просто неравнодушные люди. Сегодня нам с мужем разрешили поговорить по телефону. У него все хорошо, люди рядом адекватные сидят. Говорит, что передачку нашу получил (23 февраля ездила в Кресты), а также удалось передать рисунок дочки. Держится бодрячком, говорит, что все не зря. Передает всем привет и слова благодарности. За поддержку, за письма, что вы ему отправляете».

Первое, о чем говорит Андрей после освобождения — о том, как важно писать письма заключенным, потому что это то немногое, что правда поддерживает и не дает опустить руки: «Писали много. И друзья и совсем незнакомые люди. Например, Наталья Горбунова писала длинные письма, мы с ней обо всем общались. Но поддерживают и даже короткие открытки. Например, мне писали фигуранты "московского дела" Алексей Миняйло и Даниил Беглец, это было очень приятно».

«Мы подписывали открытки к 23 февраля — это день правозащитника отечества. В числе прочего Даниил Беглец подписал открытку Андрею Ломову, я написал сопроводительное письмо. Отправили все это наши прекрасные волонтеры», — подтверждает Алексей Миняйло. — «Поддерживать политзаключенных и писать им письма и открытки — очень важно, потому что в заключении одиноко, а письмо — важный символ

поддержки. Плюс это помогает обезопасить человека. И другие заключенные, которые с ним находятся, и администрация видят, что человек под присмотром. Тюремная среда очень боится открытости, стремится сохранить свою закрытость. И если человека не трогать, эта закрытость сохраняется. А вот если человека каким-то образом задеть, то об этом узнает огромное количество людей — как минимум, все те, кто ему пишет. Ну и по-человечески важно писать, особенно тем, кто не просто под каток попал, а кто сидит за осознанную деятельность. Им особенно важно, что общество ценит их старания».

Освобождение через черный ход

Дело Андрея Ломова начали рассматривать по существу 23 марта, в этот же день судья Ботанцева вынесла решение — два года условно. Поддержать Андрея в суд в тот день пришло около 70 человек: двадцать из них смогли попасть в зал — в основном близкие и журналисты, остальным пришлось ждать снаружи.

В суде Ломов возражал против съемки: по его словам, он пытался не пустить камеры государственных телеканалов, «потому что в зале были пожилые родители и дочери» и он не хотел, чтобы их лица показывали в новых сюжетах.

«Знаете, это удивительное дело: у меня создалось ощущение, что у нас весь город сплотился в переживаниях за Андрея», — говорит петербургская активистка Наталья, она писала письма Андрею

в СИЗО с первого дня его заключения. По ее словам, протестные настроения после зимних акций «заметно спали, люди разошлись спать по берлогам», но уголовное преследование Андрея пробудило многих.

Люди ждали Андрея на улице у суда. Туда же судебные приставы после оглашения приговора отправили и семью: жену, двух дочерей, родителей и брата Дмитрия.

Ожидание было напрасным: сотрудники, которые доставляли Андрея из СИЗО в суд, настоятельно рекомендовали ему покинуть суд тихо. Его отвезли на служебной машине до Гостиного двора, куда сами же сотрудники вызвали такси.

«Ну как, сказали мне, что если я туда к людям пойду, журналистам что-то буду рассказывать, это могут посчитать нарушением, вкатят мне административку и тогда мой условный срок заменят на реальный», — объясняет Ломов, который в итоге оказался дома раньше жены и родителей. Когда он вернулся домой, его встретили только сыновья. «А мы, пока поняли, что он уже уехал, пока я к друзьям заехала за младшими дочками — в общем, получилось, что это он меня дома встречал, а не наоборот», — улыбается Елена.

Обжаловать приговор Андрей Ломов не планирует. «Андрей не настроен. Да и что тут обжаловать, если у нас в деле де-юре признание вины, особый порядок. Мы просили наказание, не связанное с лишением свободы, такое и получили», — объясняет адвокат Светлана Ратникова. Сейчас Андрею Ломову

нужно время, чтобы прийти в себя, понять, как ему возвращаться к работе: «С начальником буду своим на днях это обсуждать. На работе вообще нормально отнеслись, с пониманием и поддержкой. Тут вопрос в том, смогу ли я в командировки ездить, или будем что-то придумывать только тут», — говорит Андрей.

Чуть позже он хочет побольше узнать о других фигурантах недавних уголовных дел в Санкт-Петербурге: «Вот [Туганкова](#) видел в какой-то момент, например, очень приятный человек, спокойный, не унывает, держится бодрячком. Про дело нам говорить нельзя было, но парой слов с ним перекинуться было приятно, — говорит Андрей. — Надо письма хотя бы писать, я теперь знаю, как это важно».

Редактор: Дмитрий Трещанин

Обновлено в 14:49 *Добавлена информация о том, как Ломов покинул суд.*